

Цзинь Линьэр изливал душу, едва не хныча от жалости к себе. Но, подняв взгляд, он обнаружил, что Сунь Цинфэн сидит с полузакрытыми глазами, будто вот-вот уснет. Было совершенно неясно, слушал ли он его вообще.

Обидевшись, мальчик решил во что бы то ни стало разбудить названного брата. Он подобрался повыше и зашептал прямо на ухо, словно заунывную молитву:

— Брат, я так проголодался! Хочу холодной лапши-лянтао, супа с говядиной и лепешками, сочного жэньцзямо со свининой, цишаньской лапши с кислинкой...

— Замолчи, — буркнул Сунь Цинфэн.

— ...лепешек с пряными листьями, хрустальных пряников, острого супа хулатан и еще мучных «рыбок» в кислом рассоле!

Сунь Цинфэн зажал ему рот ладонью и недоверчиво переспросил:

— «Рыбок»?

Линьэр пустил слюну прямо ему на пальцы. Сунь Цинфэн брезгливо отдернул руку, а мальчишка, смущенно сглотнув, затараторил:

— Ну тех самых, что мы позавчера ели в лавке напротив постоянного двора! Лапша из бобовой муки на квасцах, в густом соке сельдерея!

При слове «сельдерей» Сунь Цинфэн неувовимо изменился в лице, но быстро совладал с собой. Кашлянув, он строго произнес:

— Квасцы вредны для здоровья, больше эту гадость есть не будешь. В полдень отведу тебя поесть супа с говядиной и лепешками.

Линьэр наконец уgomонился и, обняв брата, затих. Но уже через минуту в его хитрую голову пришла новая мысль. Решив временно поступиться обещанным супом, он серьезно произнес:

— Брат, но ведь сегодня Лаба.

— Лаба? — переспросил Сунь Цинфэн.

— В вашем городе Мона ведь все веруют в Будду? А раз сегодня день Просветления, полагается еще до полудня выпить праздничной каши. Красная фасоль изгоняет чертей и отводит хвори, тебе обязательно нужно ее съесть!

После такой словесной атаки сон у Сунь Цинфэна как рукой сняло. Вздохнув, он поднялся и отправился на кухню постоянного двора, чтобы сварить кашу самостоятельно.

Постоялый двор был просторным, и здешняя кухня тоже не отличалась теснотой, хотя утварь в ней давно поизносилась. Огромные печи стояли вплотную друг к другу, а через пару крошечных окошек под потолком почти не проникал свет. Внутри все полыхало багровым жаром; душный пар накатывал волнами, превращая комнату в настоящее пекло.

Забежавший за готовым заказом трактирный слуга так и замер от удивления, увидев, что щедрый постоялец лично возится у плиты. Он тут же бросился помогать:

— Господин, к чему вам утруждаться? Только шепните, мы бы все мигом приготовили.

— Младший у меня слишком изнежен, чуть что не так — сразу живот болит, — Сунь Цинфэн утер катящийся со лба пот и подставил лицо под струю морозного воздуха из окна. Взглянув во двор, он увидел копошащегося в снегу Линьэра. В голосе великана прозвучала мягкая, неосознанная нежность: — Куда деваться? Приходится нянчиться.

Двор утопал в сугробах, истоптанных вдоль и поперек маленькими следами. Линьэр терпеть не мог тренировки, но сил у него всегда было в избытке. Он без устали носился по сугробам и успел слепить двух странных снеговиков. Фигуры вышли неказистыми, без лиц и очертаний, но в их расположении угадывался ясный смысл: маленький снеговик тесно прижимался к большому, словно ища защиты.

Мальчишка наскреб из-под снега две пригоршни талой земли и водрузил грязные комья на головы снежных фигур, весело шмыгая носом.

Случайный прохожий лишь покачал бы головой, списав все на детские шалости. Но Сунь Цинфэн знал правду: эти два комочка грязи символизировали золотой бубенчик, который когда-то оставила им Сюэ Линъюнь.

Тот бубенчик давно раскололся. Сунь Цинфэн и Линьэр забрали себе по половинке и уже четыре года носили их у самого сердца, успев даже однажды обменяться осколками.

— Сразу видно, как вы дорожите братом, — улыбнулся слуга.

— Да уж, приходится, — Сунь Цинфэн бросил щедрую горсть красной фасоли в кипящий котел и сунул слуге мелкую серебряную монету, отсылая его прочь.

Когда парень ушел, на кухне воцарилась тишина.

Каша в котле еще только начинала томиться. Сунь Цинфэн привалился к стене возле окна и прикрыл глаза. На его лице проступила глубокая, непривычная усталость; он бессознательно

прижал ладонь к груди.

— Брат, ты опять дрыхнешь? — раздался звонкий голос. Линьэр подтянулся на подоконнике и заглянул внутрь.

— Обычные люди спят по восемь часов в сутки, — не открывая глаз, отозвался великан. — Понимаю, тебе это без надобности, но я-то, по-твоему, похож на безумца?

— Тебя просто укусила сонная муха! — со смехом крикнул Линьэр и умчался. Но, боясь, что брат действительно уснет, он то и дело возвращался и бросал в открытую створку пригоршни снега.

Сунь Цинфэну надоело уворачиваться от холодной крупы. Он выскочил во двор, сгреб негодника в охапку, закинул на плечо и приволок на кухню. Шлепнув его пониже спины, он сурово прорычал:

— Сказано ведь: не дразни тигра! А ты все лезешь! Вот вымою тебя сейчас хорошенько и брошу в котел. Тебе как больше нравится — с сахаром или с солью?

Они шутливо боролись, пока с плиты не потянуло горелым. Сунь Цинфэн поспешно отпустил мальчишку, залил огонь и сорвал крышку с котла. К счастью, каша лишь слегка прихватилась снизу — есть было можно.

Линьэр придирчиво проследил, чтобы брат опустошил миску до последнего зернышка, после чего потрогал его лоб. Лоб был непривычно горячим, но мальчик решил, что на сегодня этого достаточно, и успокоился.

К полудню снегопад усилился.

Сунь Цинфэн вывел воспитанника на прогулку, но улицы Чанъяня оказались забиты праздной толпой. Заметив суету, великан начал торопить Линьэра вернуться под крышу.

Заметив, что названный брат бледен, Линьэр не стал капризничать. Он быстро выбрал на рынке крупную, упитанную черную курицу и потащил великана обратно в постоянный двор.

Сунь Цинфэн привычно забил птицу и собрал кровь, а тушку Линьэр отдал слугам, велел сварить крепкий бульон. Самого великана он выставил в общий зал пить чай и лузгать семечки, а сам заперся в комнате, чтобы поглотить кровь и заняться совершенствованием.

Когда на город опустились сумерки, Сунь Цинфэн поднялся в комнату с дымящимся супом и свежими лепешками.

Линьэр как раз закончил тренировку, направив бурлящую ци обратно в даньтянь. Наскоро умывшись, он чинно уселся за стол.

Сунь Цинфэн положил ему в миску сочную куриную ножку и буднично произнес:

— Завтра уходим в Хуайинь.

Линьэр долго ковырялся в супе, пока не выудил куриное сердце. Незаметно перебросив его в тарелку брата, он невинно поинтересовался:

— Так скоро? Может, задержимся здесь еще на пару дней?

— До Хуайиня больше двухсот ли. Снегопад завалил дороги, путь будет трудным.

— Вот и переждем, пока утихнет метель, — резонно заметил мальчишка.

— Я слышал внизу, как люди за чаем толковали, будто в первом месяце года школа Хуашань начнет отбор учеников в самом уезде Хуайинь. Испытания будут суровыми. Ты у меня умом не блещешь, да и к труду не привык. Не знаю, примут ли тебя вообще, так что нужно прибыть заранее и подготовиться.

— По правде говоря... я вообще не хочу учиться боевым искусствам, — вздохнул Линьэр.

Сунь Цинфэн лишь молча жевал, пропустив его жалобу мимо ушей.

Линьэр принялся вяло ковырять лепешку:

— Матушка в детстве рассказывала мне столько красивых легенд... Мне казалось, что цзянху — это бескрайний, удивительный мир, полный благородных героев. Но когда отец бросился с утеса Осеннего клена, я впервые понял, насколько этот мир жесток, хоть и не мог осмыслить всего. А теперь, научившись читать, я вижу истину: эти праведные ордены только прикрываются справедливостью, а сами творят расправу без суда и следствия, ничем не отличаясь от обычных разбойников. Где тут закон? Я не хочу становиться одним из них.

— Цзянху — огромная река, несущая и ил, и чистую воду, — ответил Сунь Цинфэн. — Ты воображаешь себя лодочником, спасающим утопающих, а на деле ты лишь галька, которую катит поток. А раз ты камень, то и думать лишнего не стоит. Будешь ты сокрушаться или нет, река не остановится. Главное — удержаться на дне и не дать течению утащить себя. Для этого тебе и нужны боевые искусства.

— Но если собрать много камней в одном месте, получится прочная плотина, — упрямо возразил Линьэр. Его рассуждения часто казались наивными, но в этой детской простоте

скрывалась глубокая мудрость.

— Тебе просто лень, — Сунь Цинфэн усмехнулся и легонько стукнул палочкой по краю его миски, указывая на недоеденную лепешку. — Не надейся увильнуть. У меня достаточно связей, чтобы пристроить тебя в школу. И если здесь я тебе потокаю, то на горе придется вкалывать по-настоящему. Чужие люди нянчиться с тобой не станут.

Когда они закончили ужинать, едва минуло семь часов вечера.

Линьэр совсем пал духом. Давешнее веселье испарилось без следа; он даже не захотел идти гулять. Позволив слуге забрать посуду, мальчик наспех умылся, сполоснул ноги и, забравшись под одеяло, повернулся к стене.

Сунь Цинфэн не стал его беспокоить. Он уселся на циновку и принялся умирять терзающую тело призрачную злобу. На этот раз медитация затянулась почти до десяти вечера — возможно, из-за неблагоприятного часа внутренний жар поддавался неохотно.

Закончив, великан взглянул на нахохлившегося воспитанника, и в его душе проснулось озорство. Он присел на край постели и ткнул пальцем в лоб Линьэра. Тот лишь плотнее зажмурился, делая вид, что спит. Тогда Сунь Цинфэн одним махом сгреб его, закинул на плечо и, распахнув окно, взмыл на крышу. Он стремительно понесся над заснеженными черепичными скатами под бледным светом луны, пока наконец не спрыгнул прямо на оживленную площадь у входа на ночной базар.

Широкие улицы Чанъяня бурлили жизнью.

Вдоль мостовой тянулись нескончаемые ряды лавок. Перед каждым торговцем коптила маленькая жаровня. Здесь варили лапшу, пекли лепешки, томили нежное мясо в специях, жарили кукурузу и выводили узоры из кипящей карамели. Над лотками клубился теплый пар, а в воздухе стоял постоянный гул голосов.

Линьэр мгновенно позабыл о своих обидах. Оглядевшись по сторонам, он удивленно воскликнул:

— Точно, сегодня же Лаба! Люди вовсю готовятся к Новому году, поэтому комендантский час отменили!

Он заерзал, пытаясь соскользнуть на землю, но тут же обнаружил, что остался босиком.

— Брат, ты нарочно это сделал! — возмутился он.

Сунь Цинфэн, чей рост достигал почти девяти чи, держал его легко, словно пушинку, и со стороны они смотрелись на удивление гармонично. Великан негромко рассмеялся. Он

перестал хмуриться, а теплое дыхание облаком окутало лицо, смягчая резкие черты.

— Зато теперь ты никуда не сбежишь, — усмехнулся он, неторопливо шагая сквозь толпу.

Линьэр немного подулся для приличия, но тепло крепких рук согревало его, рождая в груди непривычное, щемящее чувство тихой радости.

Прижавшись к плечу великана, он осторожно потянул его за ухо, пытаясь отогреть озябшую мочку ладонью.

— Брат, как же здорово... Вот бы каждый день был праздник. Хочу вечно так гулять с тобой по ночному городу.

— Помолчи уже. Нужно быть сумасшедшим, чтобы добровольно таскать тебя на руках изо дня в день, — проворчал Сунь Цинфэн, но при этом заботливо поправил на мальчике полы теплого плаща и натянул ему на голову капюшон. Они миновали шумную торговую улицу и вышли к каменному мосту, у которого великан замедлил шаг.

В темной вышине неба и в зеркальной глади реки дрожали два почти круглых лика луны.

На противоположном берегу, в уединенной беседке, устроилось несколько стариков с медными шэнами. Их тихая, согласная игра рождала чарующие звуки. Эта нежная, едва уловимая мелодия, подобно призрачному лунному свету, стелилась над водой, мягко следовала за редкими прохожими и уносилась в ночную даль.

Вдоль набережной тянулись ряды цветущей зимней сливы, увешанной яркими бумажными фонариками. Порывы ветра срывали лепестки, и они кружились в воздухе вместе со снежинками. Желтые соцветия и их темные тени сплетались в причудливом танце, напоминая стайки золотых рыбок, парящих в полумраке переулков.

Чем дальше они уходили, тем реже попадались лотки с едой. На смену им приходили лавки ремесленников.

Они поравнялись с витриной, уставленной разноцветными бумажными вертушками. На зимнем ветру игрушки неистово вращались, отбрасывая на суровое лицо великана всполохи красного и желтого света.

Линьэр завороченно смотрел на эту карусель красок. Обхватив шею брата одной рукой, он потянулся к деревянной стойке, надеясь сорвать одну из вертушек.

Сунь Цинфэн вовремя заметил его движение и шутливо отступил назад, заставив Линьэра схватить пустоту. Но стоило мальчику убрать руку, как великан снова подался вперед.

После нескольких безуспешных попыток Линьэр взмолился:

— Брат! Тебе что, ужина мало показалось, раз ты решил надо мной поиздеваться?

— Много болтаешь. Попробовал бы сам протащить такую ношу, — фыркнул Сунь Цинфэн. Сделав еще пару шагов, он дождался момента, когда пальцы Линьэра почти коснулись яркой бумаги, и ловко перехватил вертушку сам.

Мальчик вцепился в его запястье, сердито сопя:

— погоди, я ведь вырасту, а ты так и останешься прежним! Вот стану выше тебя ростом — заставлю называть меня старшим братом. Так что советую задобрить меня сейчас, пока я добрый!

— Хватит хвастаться, — буркнул великан. От прикосновения маленьких пальцев запястье обдало жаром, словно к нему приложили раскаленный уголь. Сунь Цинфэн испуганно отдернул руку, всучив игрушку Линьэру, и поспешил вперед.

Обрадованный Линьэр бережно пристроил вертушку за отворот его халата и снова крепко перехватил его ладонь.

— У тебя руки совсем ледяные.

Сунь Цинфэн замер, боясь шевельнуться. Ему вечно казалось, что стоит ему сделать неосторожное движение, и он переломает мальчишке кости. Конечно, разум подсказывал, что Линьэр вовсе не так хрупок. Пусть великан никогда не отличался терпением няньки — ронял его, простужал, — малец вырос на удивление крепким и смышленным. И все же в глубине души Сунь Цинфэн по-прежнему видел в нем того беспомощного младенца, которого нужно оберегать от любой невзгоды.

Великан пару раз слабо дернул рукой, но, поняв, что Линьэр не отпустит, лишь недовольно проворчал:

— Это от тебя жаром пышет, как от бродячего пса.

Впрочем, жар вскоре сменился мягким, умиротворяющим теплом.

Вдруг перед ними выросла запыхавшаяся фигура. Хозяин лавки с вертушками, тяжело дыша, преградил им дорогу:

— Господа, постойте!

Сунь Цинфэн удивленно приподнял бровь:

— В чем дело?

Торговец, отдуваясь и сердито глядя на него, вцепился в рукав его плаща:

— Вы же за игрушку не заплатили!

<http://bllate.org/book/18425/1820393>